

Глава 49. Первый императорский повар (продолжение)

Статус первого императорского повара обязывал открыть ресторан в самом сердце кипящей столичной жизни. Однако Да Данцзя упрямо настоял на том, чтобы первое заведение появилось именно в Городе Чанчжоу, а расширение на другие города отложил на будущее. И пусть пока к открытию готовился лишь один этот трактир, его богатством можно было без труда потягаться с самим монахом Кака — чего стоила одна только роскошная усадьба в столице, пожалованная ему лично императором.

— Назовём её «Башня Чжунхуа»? — с глубоким вздохом спросил Су Линцзюнь, оглядывая преобразившееся до неузнаваемости здание.

Последние несколько дней они трудились не покладая рук. Сначала выкупили в Городе Чанчжоу старую чайную, затем полностью перестроили её, и теперь оставалось лишь водрузить вывеску. Красавец, монах Кака и Лянь Уцзю подошли к делу со всей душой: шутка ли, ковался их собственный долговечный источник пропитания! Троица уже вовсю развернула рекламную кампанию, гоня по улицам сотню нанятых поварят, которые с весёлым грохотом колотили в гонги и барабаны, зазывая прохожих.

Да Данцзя задумчиво перевёл взгляд на лежавшую у стола новенькую лакированную вывеску с вырезанными иероглифами «Башня Чжунхуа» и облегчённо вздохнул:

— Даже не верится, что мы управились так быстро... Я-то думал, придётся попотеть гораздо дольше. Эх, а я ведь надеялся ещё немного побездельничать.

— Зато теперь всё складывается как нельзя лучше! Рады мы, рады и будущие гости, — рассмеялся Су Линцзюнь.

— Это верно. Но есть ещё кое-что... — Да Данцзя замялся, нерешительно перебирая пальцами. Было видно, что нужные слова даются ему с трудом. — Я давно хотел рассказать вам, но всё не решался...

Су Линцзюнь удивлённо приподнял бровь:

— Да в чём дело? Говори прямо, мы же тебя не укусим.

— Пожалуй... — пробормотал повар, пряча взгляд. — Давайте дождёмся остальных. Расскажу всем сразу.

— Ну, как знаешь.

Торжественное открытие «Башни Чжунхуа» назначили на час Петуха — самое начало сумерек. На то было три причины. Во-первых, к этому времени большинство игроков как раз

возвращались в город из рейдов и с охоты. Во-вторых, близился час ужина, а заведение обещало бесплатное угощение для каждого гостя, включая ночные закуски. Ну а в-третьих, Да Данцзя намекнул на визит некоего таинственного гостя. Впрочем, кто именно должен был почтить их своим присутствием, оставалось загадкой.

— Ставлю на то, что это его тайная зазноба! — гоготал монах Кака, с силой колотя кулаком по столу.

— Я скорее поверю, что к нам нагрянет племенной боров, чем женщина, — фыркнул Красавец, скептически качая головой.

— Эй, полегче на поворотах! — картинно возмутился монах, пытаясь раздуть спор. — Ты что же, сомневаешься в харизме нашего великого кулинара? Думаешь, дамы не вешаются ему на шею?

— Да при чём тут это! — отмахнулся Красавец. — Да Данцзя просто не из тех, кто заводит интрижки на стороне. Если он кого и приведёт, так только законную супругу, а не какую-то там «язнобу».

— И откуда у тебя такие глубокие познания? — прищурился Кака. — Ты же просто его скромный подмастерье. Неужто успел залезть к нему в душу и разузнать все подробности личной жизни?

Красавец окинул его насмешливым взглядом и хмыкнул:

— Для этого нужно иметь хоть каплю серого вещества в черепашке. Любому мыслящему человеку это очевидно с первого взгляда. А раз ты продолжаешь молоть чепуху, значит, у тебя, лысого недоразумения, мозги устроены совершенно иначе, чем у нас, обладателей роскошных шевелюр. Смирись с этим. Твой дражайший Суйфэн — ярчайший тому пример. Посмотри на себя: есть ли в этом мире бедолага несчастнее тебя?

Упоминание Суйфэна подействовало на монаха как красная тряпка на быка. Его круглое лицо мгновенно налилось пунцовой краской, и он яростно завопил:

— Кто это тут несчастный?! У меня есть всё! Прекрасный муж, дом, куча денег, положение в обществе, верные друзья... Ну да, детей пока нет, но это дело наживное, мой ненаглядный как раз обещал над этим подумать!

— Ну-ну, надейся и жди, — расхохотался Красавец, издевательски сощутив глаза. — Ты только сначала у самого Суйфэна спроси, согласен ли он на такую авантюру. Кстати, легок на помине — вон он, прямо у тебя за спиной.

Красавец небрежно указал пальцем куда-то назад.

Монах мгновенно позеленел. Подпрыгнув на месте, он пулей метнулся вглубь дома, чтобы спрятаться, не найдя в себе смелости даже мельком обернуться.

— Ну и тяжелая же у тебя аура, — вздохнул Красавец, глядя на вошедшего отшельника Попутного Ветра, чьё лицо, как всегда, напоминало застывшую маску. В этот момент Красавец невольно сравнил его со своим собственным братом. Что ж, воистину, в мире всегда найдётся гора повыше и человек суровее...

Суйфэн проигнорировал колкость. Одним плавным движением он перекинул пышный хвост своей мухогонки через предплечье, бесшумно опустился на свободный стул и, даже не подумав поздороваться с присутствующими, невозмутимо потянулся к стоявшей на столе пиале с чаем.

— Э-э... вообще-то это... — Лянь Уцзю беспомощно проводил взглядом собственную чашку, которая уже коснулась губ даоса. Он очень хотел вернуть её назад, но слова застряли в горле. Ему оставалось лишь угрюмо вжаться в угол и мысленно осыпать незваного гостя проклятиями.

Весёлое оживление дружеской встречи мгновенно сменилось гнетущим, неестественным молчанием. Красавец попытался было вставить пару фраз, но, поняв, что говорить без толку, лишь махнул рукой и ушёл на кухню.

— Долго ещё до ужина? — уныло спросил Лянь Уцзю, повесив голову.

— Скоро. Проголодался? На, поешь пока сладостей, — ласково отозвался Су Линцзюнь, придвигая к нему тарелку со сдобным печеньем.

Немного поколебавшись, Лянь Уцзю взял одну штуку и отправил в рот. Однако уже в следующую секунду горько пожалел об этом: печенье оказалось приторно-сладким, и во рту мгновенно пересохло.

— Держи, запей.

Не глядя, юноша выхватил предложенную пиалу и осушил её до дна, совершенно не заметив, как Су Линцзюнь довольно и двусмысленно усмехнулся.

Когда голод и жажда были утолены, Лянь Уцзю успокоился. Молчание его больше не тяготило. Су Линцзюнь тоже наслаждался моментом, тихо созерцая своего спутника. Обоим не было никакого дела до сидевшего рядом Суйфэна — они попросту вычеркнули даоса из реальности.

Тишину нарушил голос Суйфэна. Его внезапный вопрос прозвучал подобно разорвавшемуся снаряду. От неожиданности Су Линцзюнь едва не выронил челюсть, а Лянь Уцзю, собиравшийся проглотить очередной кусочек печенья, умудрился вдохнуть его носом и зашелся в таком бешеном кашле, что едва не выплюнул лёгкие.

— Тебе нравится Лянь Уцзю, — ровным тоном произнес даос. Это был не вопрос, а констатация неопровержимого факта.

Су Линцзюнь сделал несколько глубоких вдохов, пытаясь вернуть самообладание.

— А сам как думаешь? — наконец ответил он, заботливо похлопывая задыхающегося Лянь Уцзю по спине.

Суйфэн холодно усмехнулся:

— Значит, я прав. В таком случае мой тебе совет: выбрось эти глупости из головы. Тебе лучше держаться от него как можно дальше.

Су Линцзюнь мгновенно посмотрел ледяным взглядом. Лянь Уцзю, разом позабыв про кашель, взволнованно вмешался:

— Что ты имеешь в виду?

Эти слова могли прозвучать двусмысленно, но на самом деле юноша безумно занервничал. Ему давно казалось, что Суйфэн, как и его собственный наставник, видит сокрытое от простых смертных — в том числе чужие судьбы. Если Лянь Уцзю проклят приносить несчастья своим родителям, то не погубит ли он супруга или близких друзей?..

Даос небрежно хмыкнул:

— А ты чего так переполошился? Тоже к нему неровно дышишь? У вас это взаимно?

— Я вовсе не об этом спрашиваю! — воскликнул Лянь Уцзю, пропустив намёки на чувства мимо ушей. Его тревожило совершенно другое. Су Линцзюнь, хоть и не понимал истинной причины страха юноши, почувствовал, как в груди закипает глухая обида и злость от такой холодности.

— Объясни, что значат твои слова? Что тебе известно?

Суйфэн слегка нахмурился, явно не успевая за ходом его мыслей.

— Ну же, говори! — нетерпеливо поторопил Лянь Уцзю.

Даос шумно выдохнул и, в упор посмотрев на юношу, отрезал:

— Просто не связывайся с ним, и всё.

Лянь Уцзю понурил плечи. На душе у него стало невыносимо тяжело.

«Значит, предсказание сбывается...»

— На каком основании ты раздаешь подобные советы? — Су Линцзюнь гневно посмотрел на него, готовый в любой момент сорваться на крик. Странная реакция Лянь Уцзю больно ранила его и пугала до глубины души. — Не думай, что я стану терпеть твои выходки только из-за твоего статуса!

Даос лишь снисходительно улыбнулся:

— Можешь злиться сколько угодно. Но запомни: если вы останетесь вместе, на твою голову обрушатся все тридцать три несчастья. Ты будешь страдать.

— Это мой выбор, и платить по счетам тоже мне! Тебя это волновать не должно.

— Разумеется, — безразлично согласился Суйфэн.

— И всё же... к чему этот разговор? — Су Линцзюнь замялся. В его голову закралась безумная мысль: неужели этот холодный даос сам положил глаз на Лянь Уцзю? Впрочем, это походило на бред...

— Меньше знаешь — крепче спишь. В любом случае, это не то, на что ты способен повлиять.

— А я тебе скажу, что зубами вцеплюсь в эту судьбу, но своего не упущу!

Су Линцзюнь был полон непреклонной решимости. Суйфэн же смотрел холодно, словно затянутые январским льдом пруды. В воздухе между ними, казалось, так и летели невидимые искры. Лянь Уцзю же... окончательно погрузился в бездну уныния и жалости к самому себе.

Ужин прошёл как в тумане. Раздались крики, полетели весёлые тосты, по столу застучали кости, но Лянь Уцзю захмелел быстрее всех и отключился в самом начале веселья.

Суйфэн так и не притронулся к кубку. Лениво съев пару кусочков изысканных блюд, он молча поднялся и ушёл, даже не взглянув на тоскливый, провожающий его взгляд монаха Каки.

Су Линцзюнь пил много, без усталости осушая чашу за чашей, но алкоголь на удивление не брал его. Он сидел прямо, с каменным лицом опрокидывая в себя крепкое вино.

Под конец застолья, когда дееспособность сохранили лишь трезвые Красавец и Да Данцзя, на пороге наконец появился тот самый долгожданный гость.

Им оказался маленький Золотой Отрок.

— Поздновато ты, малыш, — с мягкой улыбкой произнёс Да Данцзя, ласково взъерошив волосы мальчика. — Твой папаша уже лыка не вяжет.

Золотой Отрок надул губы и подбежал к Су Линцзюню, но, едва уловив резкий, удушливый запах алкоголя, с писком отшатнулся:

— Фу, какая гадость! Воняет-то как!

— Ну так а кто просил тебя опаздывать? — усмехнулся Да Данцзя.

— Это всё мои прихвостни виноваты! — громко пожаловался мальчик. — Еле тащатся там, позади плетутся. Дядя А-Дан, ты ведь приготовил для нас что-нибудь вкусненькое? Они у меня такие обжоры!

— Разумеется. Всё как договаривались. Дядя А-Дан приготовил для вас целый пир, блюда как раз томятся в печи. Как только соберутся все твои друзья, сразу подадим на стол.

— Ура! Спасибо, дядя А-Дан!

— Эй, а как же я? — притворно обиделся Красавец, решив вмешаться в разговор. — Я ведь тоже весь день у плиты спину гнул!

Мальчик смешно выпятил нижнюю губу и тихонько пробормотал:

— И тебе спасибо, братец Красавец.

— Ха-ха-ха! Глядите-ка, за пару дней парень прямо-таки ангелочком стал! — расхохотался Красавец. — Жаль, твой отец сейчас не в состоянии оценить эти перемены, иначе точно не стал бы глушить тоску вином.

— А? Папа... — Золотой Отрок обиженно насупился. Он хотел было подойти к родителю, но нерешительно замер, а затем лукаво прищурился: — А братец Уцзю тоже тоскует?

— Ещё как! Ты пропал, из-за этого закручинился твой отец, а глядя на его кислую мину, загрустил и Лянь Уцзю!

— Я больше не буду убегать... — тихо пообещал мальчик.

— Одно «не убегать» мало, нужно ещё и кушать всё подряд, без капризов!

— Ну... тогда пусть дядя А-Дан каждый день готовит мне разные вкусности.

— Договорились, без проблем, — улыбнулся Да Данцзя.

— И моих прихвостней тоже корми!

—... Ладно, договорились.

— И младшую сестрёнку.

—... Хорошо.

— И ещё нескольких дедушек и бабушек.

— Дядя А-Дан у нас человек благородный, к старшим относится с почтением, так что прокормим и их.

— А ещё... целую ораву моих папаш!

— Что? Какую ещё... ораву папаш?

— Ну да! Они такие милашки, и так меня любят! Никогда не обижают, не ругаются, не гонят прочь и не шлёпают по попе. А ещё они жутко послушные и ласковые — им только мясо давай, и они будут счастливы!

У Да Данцзя и Красавца внутри похолодело от дурного предчувствия. И оно их не обмануло: стоило дверям «Башни Чжунхуа» распахнуться, как внутрь потянулась вереница прихвостней Золотого Отрока, каждый из которых тащил на поводке то ли упитанного грязного борова, то ли облезлого дворового пса.

Поварам нестерпимо захотелось расшибить себе лбы о ближайшую стену.

<http://bllate.org/book/18276/1786150>